

Святочные истории

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44
С 25

Составление и примечания
Аллы Степановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-27105-0

© А. С. Степанова, составление,
примечания, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

В. И. Панаев

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В МАСКАРАДЕ

(Истинное происшествие)

По мертвом как ни плачь, а он уже не встанет,
И всякая вдова
Поплачет месяц, много два,
А там и плакать перестанет.

Так сказано на счет женщин в одной из лучших басен г. Измайлова; но эту иронию, кажется, справедливее было бы отнести к нашему полу. Есть много женщин (и очень мало мужчин), для которых потеря любезного человека бывает незабвенною во все продолжение жизни, делает их несчастными в высочайшей степени и нередко доводит до гроба. Мужчина уже по самому образу жизни, по его гражданским обязанностям, разнообразию занятий, склонности к предприятиям всякого рода имеет тысячу средств к рассеянию, между тем как женщина, ограниченная в деятельности и цели своей жизни — более домашней, нежели публичной, — одаренная от природы сильною чувствительностию, живым и пылким воображением, выпивает до дна горькую чашу постигающих ее злоключений. Если ж иногда случается противное, если женщина, например, равнодушно переносит вечную разлуку с человеком, который, по-видимому, был для нее драгоценен, то одно приличие, сей неусыпный блюститель правил общежития и нередко надежный сподвижник самой нравственности, заставляет ее, по крайней мере, *казаться* огорченною, и сия необходимость (от которой мужчи-

ны вовсе почти освобождаются) бывает столь велика, что никакая вдова, легко забывающая потерю мужа, явно предающаяся шумным удовольствиям света, не избегнет строгого осуждения. Об ней не много скажут хорошего даже и те, для которых ее общество, ее любезность доставляют столько приятных минут; а избави Бог, если она молода и прекрасна, — тогда завистливые соперницы не пощадят ее нисколько.

Так точно случилось с Евгениею. Она имела достойного супруга, любила его, как говорили все, до безумия, была неутешною, когда жестокая чашотка похитила его из ее объятий; но по прошествии полугода,

Увидя в зеркале, что траур ей к лицу,

снова получила привязанность к жизни, которую начинала ненавидеть. «Я еще молода, — говорила она, помышляя о будущем, — не дурна собою; довольно богата; имею одного только сына — к чему же безвременно губить себя печалию о потере невозвратимой, добровольно отказываться от благополучия, на которое имею столько права? И оскорбится ли память моего супруга тем, что я хочу быть счастливою? Не сам ли он, умирая, просил меня поберечь себя для ребенка?»

Такие рассуждения вскоре подкреплены были советами некоторых приятельниц. Евгения иногда возражала, но всегда слушала их с тайным внутренним удовольствием: ей приятно было находить людей, которые в этом случае думали с нею одинаково.

По окончании траура — это было весною, при том в Петербурге — она переехала на дачу и радовалась, что удаление из города, освобождая ее на

некоторое время от визитов, приятным образом продолжит искус ее, поможет ей в полной мере сохранить законы приличия. Но живописное местоположение дачи, близость оной к публичному гульбищу, прекрасная погода во все продолжение лета привлекали к Евгении, нарочно и мимоездом, множество знакомых. Сначала старались развлечь Евгению разными невинными забавами: играли в кружок, в веревочку; потом, в день ее именин, вздумали потанцевать. Сначала прогуливались только в роще, окружавшей мызу; потом уговорили Евгению ехать на Крестовский; спустя месяц — на известный великолепный праздник в Петергоф, а, наконец, по возвращении в город, стали приглашать ее в театр, на балы, на ужины, — словом, молодая вдова предалась совершенному рассеянию. Я не похваляю Евгению, но, впрочем, могла ли она не заметить, что красота ее — первый источник суетности женщин — обращала на нее общее внимание? Торжество женщин иногда стоит им очень дорого. Между тем как Евгения, пленяя всех мужчин любезностию своею и красотою, оживляя присутствием своим вечерние собрания, не видала, в чаду удовольствий, ничего предосудительного в своем поведении, коварная зависть следила ее на каждом шаге. Евгению скоро начали называть расточительною, ветреною, кокеткою, и — долго ли очернить имя молодой, прекрасной вдовы? — говорили даже, что она имеет подозрительные связи. Первое заключение было действительно справедливо: успехи ласкательства вскружили ей голову, — она жила совершенно для света, вовсе не думала о хозяйстве, редко заглядывала в колыбель сына и оправдывала себя тем, что он был еще слишком мал для ее попечений.

Муж Евгений имел друга, человека строгих, но честных правил. Ему в особенности не нравился новый образ ее жизни; а дурные на счет одного толки, оскорбляя честь покойного, огорчали его чрезвычайно. Он намекнул о невыгодах такого рассеяния, она отвечала холодной улыбкою; он советовал перемениться, она покраснела и с досадою перервала разговор; он повторил то же в другой, в третий, в четвертый раз — она рассердилась и просила избавить ее от скучных поучений. Нечего делать, доброжелательный друг увидел себя принужденным оставить дом, который привык столько почитать. Дела скоро вызвали его из Петербурга, и Евгения, узнав, что он поехал надолго, очень обрадовалась сей вести: его присутствие как будто связывало ей руки; теперь она могла свободно предаться склонности своей к рассеянию.

Прошел, может быть, год после отъезда Вельского. Евгения, продолжая веселиться и, от часу более, терять доброе свое имя, собралась однажды, на Святках, в публичный маскарад¹, где, при помощи великолепного наряда в восточном вкусе, надеялась пожать новые лавры на счет своих соперниц. В самом деле, костюм турчанки был ей чрезвычайно к лицу. Самые женщины не могли не признаться, что Евгения прелестна в этом наряде, а мужчины почти вслух ахали от восхищения. Торжествующая красавица была в самом лучшем, в самом веселом расположении духа, танцевала, говорила много остроумного, заводила речь с каждою *интересною* маскою. Но более всех привлек

¹ Всякому известно, что лет за тридцать назад наши публичные маскарады были совсем не то, что они теперь. (*Прим. автора.*)

на себя ее внимание осанистый турка в богатом уборе. Его поклон и сходство в костюме подали Евгении повод думать, что это кто-нибудь из ее знакомых. Желая удостовериться, она преступила к нему с вопросами. Турка отвечал хотя отрывисто и холодно, но так умно, так выразительно, что Евгения занялась им совершенно. Нечувствительно вышли они из залы и очутились в отдаленной комнате дома, куда едва доходил отголосок музыки и где не было никого, кроме двух немцев, дремавших за стаканами пунша.

— Так вы находите, что я сего дня некстати весела, некстати одета с таким великолепием? — говорила Евгения, остановясь у зеркала и с улыбкою посматривая на маску.

М а с к а (*маскарадным голосом*). Думаю, что некстати. вспомните, какой ныне день.

Е в г е н и я. Пятница. А, понимаю: постный день! не правда ли? Ха-ха-ха!

М а с к а. Некогда это был день рождения вашего супруга.

Е в г е н и я (*смутившись*). Ах! точно так... я совсем забыла... Но почему вы это знаете? Для чего вздумали огорчать меня таким напоминанием?

М а с к а. За несколько лет назад мне случилось проводить у вас этот день с большим удовольствием. Тогда вы, конечно, могли наряжаться и веселиться, а теперь этот день, кажется, приличнее было бы посвятить горестному воспоминанию о вашем супруге.

Е в г е н и я (*покраснев*). Вы говорите правду; но тон ваш становится слишком дерзким, и я не усомнилась бы назвать вас Вельским, если бы он был теперь в Петербурге. Скажите мне, кто вы?

М а с к а. Не любопытствуйте: вы будете расклевываться. Лучше старайтесь более дорожить добрыми советами друзей и памятью вашего супруга.

Е в г е н и я. Но вы, сударь, не перестаете докучать мне. Что за наставления и по какому праву? (*Язвительно.*) Уж не посланник ли вы с того света?

М а с к а (*переменив голос*). Может быть, и так. Ваш образ жизни, дурные толки, которым себя подвергаете, тревожат прах вашего супруга. Станется, что дух его, незримо носящийся над вами, уже готовится к отмщению. Этому примеры бывали не в одних сказках. Понимаете ли меня?

Е в г е н и я. Боже мой! Звуки вашего голоса становятся мне знакомыми, похожими на... Вы меня ужасаете! Кто вы?

М а с к а. Наконец ты узнаешь меня, несчастная! Я вызван тобою из гроба, я пришел наказать тебя! Взгляни!

Незнакомец приподнял маску, и Евгения без чувств упала на пол.

Полусонные немцы, встревоженные ее падением, вскочили с кресел, закричали и едва приметили, как турка мелькнул в двери.

На шум и крик их вбежали многие из соседней комнаты; вскоре собрались туда знакомые Евгении; между ними, по счастью, случился доктор, с ланцетом в кармане. Евгении пустили кровь. Она мало-помалу пришла в себя и в несвязных словах объяснила приключение. Сказала, что в образе турки являлся к ней муж ее, что она слышала его голос, видела под маскою мертвую голову. Все поражены были ужасом, молча посматривали друг на друга, оглядывались на двери. Некоторые даже

уверяли, что турка, попавшийся им в зале, вдруг исчез, отбежав несколько шагов; но швейцар и целая прихожая утвердили, что он сошел по лестнице, а полицейский чиновник видел, что он сел у подъезда в парную карету.

Евгению осторожно увезли из маскарада. За нею все начали разъезжаться. Возвратившись домой, каждый по-своему толковал о случившемся. Полиция между тем не дремала: приняты всевозможные меры и на другой день отыскан извозчик, который возил турку. При допросе он показал следующее.

«Вчера в шесть часов вечера стоял я с каретою на своей бирже. Вдруг подходит ко мне какой-то человек, которого лица за темнотою не мог я рассмотреть, и говорит: „Извозчик! хочешь ли сего дня заработать сто рублей?“ — „Как не хотеть, барин; да ты шутишь: этого и в три дни не выездишь“. — „Скажи прежде, боишься ли ты мертвцов?“ — „Чего, сударь, их бояться: это все старушечьи бредни“. — „Ну, если не боишься, так приезжай же через два часа на Волковское кладбище и свези в маскарад, а потом опять на кладбище того, кто выйдет к тебе из ограды“. — „Ох, барин, это что-то страшно, нынче Святки“. — „Не хочешь, так я пойду искать другого“. Он уже пошел прочь, — продолжал извозчик, — как я, подумав немного, закричал ему: „Так и быть, сударь, извольте!“ — „Хорошо, — сказал он, воротившись, — вот тебе двадцать пять рублей задатку; остальные получишь после; да, смотри, никому о том не сказывай до завтра; а там как хочешь“. Он ушел. В восемь часов, выпив добрый стакан вина, я приехал на кладбище. Дорогою распевал-таки песни; но тут, нечего таиться,

вдруг сделалось мне очень страшно; и хотя ночь была претемная, но я сидел на козлах зажмуря глаза. Минут через пятнадцать в ограде послышался скрип от походки по мерзлому снегу, волосы у меня стали дыбом; мало этого, что глаза были зажмурены, я закрыл их рукою. Скрип ближе и ближе; наконец кто-то подошел к карете, отворил дверцы, сел. Я ударил по лошадям — и чрез полчаса был уже у маскарада. На этот раз, из любопытства, я решился сам отворить дверцы и увидел, что из кареты вышел человек, в турецком платье, с маскою на лице. Тут мне стало полегче; но сделалось еще страшнее, когда я повез его обратно на кладбище, — может быть, потому, что тогда было уже близко полуночи. Выходя из кареты, мертвец подал мне остальные деньги (которые сегодня же окроплю святою водою) и ушел в ограду, а я как сумасшедший поскакал в город».

Показание извозчика судили двояким образом: одни верили от чистого сердца, что замаскированный был действительно мертвец, и ссылались на множество подобных приключений; другие приписывали это шалости какого-нибудь проказника. Но кому и зачем пришла бы в голову такая странная шутка? Полиция, при всех своих стараниях, не сделала на этот счет никакого открытия.

Благоразумные люди старались скрыть от больной, испуганной Евгении рассказы извозчика, но услужливые старушки не утерпели — проболтались, и это известие стоило ей жестокой горячки. Искусство медика и здоровое сложение спасли Евгению от смерти. Но приключение в маскараде сделало на нее сильное впечатление: по выздоровлении она совершенно переменялась. Наряды, ба-

лы, веселости были ею забыты. Евгения стыдилась прежнего образа своих мыслей; обратила к малютке-сыну всю горячность матери; почти никуда не выезжала, кроме церкви; усердно молилась; нередко посещала могилу супруга; пролила над нею слезы раскаяния и всякий раз возвращалась оттуда с каким-то утешением, с каким-то миром душевным. Добрые люди радовались такой перемене.

Спустя некоторое время Вельский возвратился в Петербург. Евгения, узнав о том, послала просить его к себе.

— Добрый друг! — сказала она, когда Вельский вошел к ней. — Простите меня, забудьте нашу ссору. Я дорого заплатила за то, что пренебрегла вашими советами; но теперь я почти их законами моего поведения и надеюсь сделаться достойною вашей дружбы.

— Благодарю вас, сударыня, — отвечал Вельский, — я уже слышал об этой счастливой перемене. Вы, конечно, сами видите разницу и радуетесь тому в душе своей.

— Я была бы очень довольна собою, если б могла возвратить прежнее спокойствие. Воспоминание...

— Понимаю: вас тревожит воспоминание о случившемся в маскараде; но я принес вам желаемое спокойствие. Не знаю только, будете ли вы благодарить меня?

— Объяснитесь.

— Турка, с мертвою головою, который причинил вам столько вреда и пользы, был отнюдь не призрак, не грозная, мстительная тень вашего покойного супруга, а — я.

— Возможно ли? Каким образом?

— Слушайте. Дела, отозвавшие меня в Москву, потребовали однажды тайного моего на короткое время пребывания в Петербурге. Я приехал под чужим именем. Это случилось дни за два до маскарада. Один общий наш приятель рассказал мне, что вы, продолжая жертвовать собою суетности, намерены в этот раз удивить всех великолепием своим и красотой. Я вспомнил, что это был день рождения покойного моего друга, и, уважая память его, любя, почитая вас, решился воспользоваться случаем испытать последнее средство к вашему исправлению. Приятель мой свято обещал хранить тайну. Под обыкновенную маску надел я другую, которая изображала мертвую голову и которую сделали мы сами; а чтобы выдумка моя произвела на вас и на публику большее впечатление, я поехал в маскарад с кладбища. Вы не могли узнать меня по голосу, который маскированные обыкновенно изменяют. Я хотел, и успел, обратить на себя ваше внимание, умышленно завел вас в отдаленную комнату, умышленно напомнил о дне рождения вашего супруга и когда заметил, что это напоминание произвело желаемое над вами действие, то начал по возможности подражать голосу покойного. Ваше мечтательное воображение спешило мне на помощь. Признаюсь, сударыня, предвидя опасные следствия решительной минуты, я начинал уже раскаиваться в смелом и, может быть, неблагоприятном моем намерении; не хотел снимать маски; но язвительные слова ваши: *уж не посланник ли вы с того света?* — вывели меня из терпения. Остальное вам известно. В ту же ночь я выехал из Петербурга.

— Ах, Вельский! Вы поступили со мною жестоко; но я не только прощаю — я сердечно благодарю вас. Кто знает, до чего бы наконец довела меня суетность? Да и что иное могло бы вразумить меня, исправить? Для излечения сильной болезни должно, говорят, употреблять и сильные средства.

Догадливые читатели, которые, может быть, с середины повести моей видели уже конец ее (что делать? Ведь это происшествие не моя выдумка), верно, скажут с улыбкою: «Нечего и дочитывать: Вельский женился на Евгении». Совсем нет, милостивые государи, не хочу вас обманывать: он остался только ее другом и имел утешение видеть, что Евгения, снискав истинное счастье в скромной, умеренной жизни, в исполнении обязанностей матери и христианки, слыла примерною женщиною.

А. А. Бестужев-Марлинский
СТРАШНОЕ ГАДАНЬЕ

*Посвящается
Петру Степановичу Лутковскому*

Давно уже строптивые умы
Отринули возможность духа тьмы;
Но к чудному всегда наклонным сердцем,
Друзья мои, кто не был духоверцем?..

...Я был тогда влюблен, влюблен до безумия. О, как обманывались те, которые, глядя на мою насмешливую улыбку, на мои рассеянные взоры, на мою небрежность речей в кругу красавиц, считали меня равнодушным и хладнокровным. Не ведали они, что глубокие чувства редко проявляются именно потому, что они глубоки; но, если б они могли заглянуть в мою душу и, увидя, понять ее, они бы ужаснулись! Все, о чем так любят болтать поэты, чем так легкомысленно играют женщины, в чем так стараются притворяться любовники, во мне кипело, как растопленная медь, над которою и самые парь, не находя истока, зажигались пламенем. Но мне всегда были смешны до жалости приторные вздыхатели со своими пряничными сердцами; мне были жалки до презрения записные волокиты со своим зимним восторгом, своими заученными изъяснениями, и попасть в число их для меня казалось страшнее всего на свете.

Нет, не таков был я; в любви моей бывало много странного, чудесного, даже дикого; я мог быть непонятен, но смешон — никогда. Пылкая, могучая страсть катится как лава; она увлекает и жжет

все встречное; разрушаясь сама, разрушает в пепел препоны и хоть на миг, но превращает в кипучий котел даже холодное море.

Так любил я... назовем ее хоть Полиною. Все, что женщина может внушить, все, что мужчина может почувствовать, было внушено и почувствовано. Она принадлежала другому, но это лишь возвысило цену ее взаимности, лишь более раздражило слепую страсть мою, взлелеянную надеждой. Сердце мое должно было расторгнуться, если б я замкнул его молчанием: я опрокинул его, как переполненный сосуд, перед любимую женщиною; я говорил пламенем, и моя речь нашла отзыв в ее сердце. До сих пор, когда я вспомню об уверении, что я любим, каждая жилка во мне трепещет, как струна, и если наслаждения земного блаженства могут быть выражены звуками, то, конечно, звуками подобными! Когда я прильнул в первый раз своими устами к руке ее, душа моя исчезла в этом прикосновении! Мне чудилось, будто я претворился в молнию: так быстро, так воздушно, так пылко было чувство это, если это можно назвать чувством.

Но коротко было мое блаженство: Полина была столько же строга, как прелестна. Она любила меня, как никогда еще я не был любим дотоле, как никогда не буду любим вперед: нежно, страстно и безупречно... То, что было заветно мне, для нее стоило более слез, чем мне самому страданий. Она так доверчиво предалась защите моего великодушия, так благородно умоляла спасти самое себя от укора, что бесчестно было бы изменить доверию.

— Милый! мы далеки от порока, — говорила она, — но всегда ли далеки от слабости? Кто пы-

тает часто силу, тот готовит себе падение; нам должно как можно реже видеться!

Скрепя сердце я дал слово избегать всяких встреч с нею.

И вот протекло уже три недели, как я не видал Полины. Надобно вам сказать, что я служил еще в Северском конноегерском полку, и мы стояли тогда в Орловской губернии... позвольте умолчать об уезде. Эскадрон мой расположен был квартирами вблизи поместьев мужа Полины. О самых Святках полк наш получил приказание выступить в Тульскую губернию, и я имел довольно твердости духа уйти не простясь. Признаюсь, что боязнь изменить тайне в присутствии других более, чем скромность, удержала меня. Чтоб заслужить ее уважение, надобно было отказаться от любви, и я выдержал опыт.

Напрасно приглашали меня окрестные помещики на прощальные праздники; напрасно товарищи, у которых тоже, едва ль не у каждого, была сердечная связь, уговаривали возвратиться с перехода на бал, — я стоял крепко.

Накануне Нового года мы совершили третий переход и расположились на дневку. Один-одинехонек, в курной хате, лежал я на походной постеле своей, с черной думой на уме, с тяжелой кручиной в сердце. Давно уже не улыбался я от души, даже в кругу друзей: их беседа стала мне несносна, их веселость возбуждала во мне желчь, их внимательность — досаду за безотвязность; стало быть, тем раздольнее было мне хмуриться наедине, потому что все товарищи разъехались по гостям; тем мрачнее было в душе моей: в нее не могла запасть тогда ни одна блестящая наружной веселости, никакое случайное развлечение.

И вот прискакал ко мне ездовой от приятеля, с приглашением на вечер к прежнему его хозяину, князю Львинскому. Просят непременно: у них пир горой, красавиц — звезда при звезде, молодцов рой и шампанского разливанное море. В приписке, будто мимоходом, извещал он, что там будет и Полина. Я вспыхнул... Ноги мои дрожали, сердце кипело. Долго ходил я по хате, долго лежал, словно в забытии горячки; но быстрина крови не утихала, щеки пылали багровым заревом, отблеском душевного пожара; звучно билось ретивое в груди. Ехать или не ехать мне на этот вечер? Еще однажды увидеть ее, дыхнуть одним с нею воздухом, послушаться ее голоса, молвить последнее прости! Кто бы устоял против таких искушений? Я кинулся в обшивни и поскакал назад, к селу князя Львинского. Было два часа за полдень, когда я поехал с места. Проскакав двадцать верст на своих, я взял потом со станции почтовую тройку и еще промчался двадцать две версты благополучно. С этой станции мне уже следовало своротить с большой дороги. Статный молодец на лихих конях взялся меня доставить в час за восемнадцать верст, в село княжое.

Я сел, — катай!

Уже было темно, когда мы выехали со двора, однако ж улица кипела народом. Молодые парни, в бархатных шапках, в синих кафтанах, расхаживали, взявшись за кушаки товарищей; девки в заячьих шубах, крытых яркою китайкою, ходили хороводами; везде слышались праздничные песни, огни мелькали во всех окнах, и зажженные лучины пылали у многих ворот. Молодец, извозчик мой, стоя в заголовке саней, гордо покрикивал «пади!» и, охорашиваясь, кланялся тем, которые узнавали

его, очень доволен, слыша за собою: «Вон наш Алеха катит! Куда, сокол, собрался?» — и тому подобное. Выбравшись из толпы, он обернулся ко мне с предуведомлением:

— Ну, барин, держись!

Заложил правую рукавицу под левую мышку, повел обнаженной рукой над тройкою, гаркнул — и кони взвились как вихорь! Дух занялся у меня от быстроты их поскака: они понесли нас.

Как верткий челнок на валах, кувыркались, валялись и прыгали сани в обе стороны; извозчик мой, упершись в валец ногою и мощно передергивая вожжами, долго боролся с запальчивою силою застоявшихся коней; но удила только подстрекали их ярость. Мотая головами, взбросив дымные ноздри на ветер, неслись они вперед, взвивая метель над санями. Подобные случаи столь обыкновенны для каждого из нас, что я, схватясь за облучок, преспокойно лежал внутри и, так сказать, любовался этой быстротою путешествия. Никто из иностранцев не может постичь дикого наслаждения — мчаться на бешеной тройке, подобно мысли, и в вихре полета вкушать новую негу самозабвения. Мечта уж переносила меня на бал. Боже мой, как испугаю и обрадую я Полину своим неожиданным появлением! Меня бранят, меня ласкают; мировая заключена, и я уж несусь с нею в танцах... И между тем свист воздуха казался мне музыкою, а мелькающие изгороди, леса — пестрыми толпами гостей в бешеном вальсе... Крик извозчика, просящего помощи, вызвал меня из очарования. Схватив две вожжи, я так скрутил голову коренной, что, упершись вдруг, она едва не выскочила из хомута. Топча и фыркая, остановились на-

С 25 **Святочные истории** : рассказы. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 336 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-27105-0

Святки — удивительный период времени: один год уходит на смену другому, и кажется, что все горести останутся в прошлом, а будущее, которое приоткрывает свои тайны, будет наполнено добром и справедливостью. Эта атмосфера праздника вселяет веру в возможность чуда. Святочные истории всегда пользовались успехом у читателей, к ним обращались многие известные авторы.

В сборнике публикуются рассказы и повести русских писателей XIX–XX вв. — А. А. Бестужева-Марлинского, В. И. Даля, Д. В. Григоровича, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др., объединенные темой Святки. Н. С. Лесков дал одно из самых известных определений святочного рассказа: от него «неприменно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело... он должен быть истинно е прои с ш е с т в и е!» И вместе с тем «пестрота» сюжетной и философской наполненности святочных рассказов свидетельствует об отсутствии каких-либо строгих канонов: произведения, включенные в это издание, демонстрируют разнообразие авторских подходов к святочной тематике.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

СВЯТОЧНЫЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.10.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,81. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.
---	---

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау
туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

A-AKB-36186-01-R